

## **Синтаксис предложения в современных зарубежных грамматиках немецкого языка**

Зарубежные исследования в области синтаксиса предложения современного немецкого языка находят концентрированное выражение в грамматиках, рассчитанных на широкий круг германистов. Некоторые из них, прежде всего те, которые издавались в свое время в ГДР [Erben, Jung, Helbig/Buscha, Grundzüge], известны научной общественности России. Более поздние издания не получили пока освещения в отечественной лингвистической литературе. Тем не менее, понимание предложения в этих трудах может представить интерес как для германистов, изучающих немецкий и английский языки, так и для русистов и филологов общего профиля, так как в них в известной мере отражается современное состояние синтаксических исследований за рубежом. Этим и обусловлена цель обзора, которая состоит в попытке систематизировать разнородные школы и течения, рассматривающие основную единицу синтаксиса – предложение. В обзор включены грамматики немецких, австрийских и швейцарских авторов.

Если попытаться кратко охарактеризовать особенность немецких грамматик в сравнении с русскими, то, пожалуй, можно сделать это одним словом: «технологичность». Она пронизывает работы самых разных направлений и проявляется как в исследовательской технике, так и в способах представления материала. Следующий ниже обзор должен подтвердить эту, пока гипотетическую, характеристику.

В современных исследованиях по синтаксису предложения можно выделить, на наш взгляд, 6 основных направлений: **направление, продолжающее традицию; синтаксис непосредственно составляющих; грамматика зависимостей; категориальная грамматика; генеративная грамматика и прагматика**. Несмотря на условность такого членения, о чем будет речь ниже, его целесообразность видится в том, что в каждом направлении можно выделить рациональное зерно, воспринятое другими школами или открывающее новые перспективы исследования.

### I

**Первое направление** находит отражение в грамматиках серии «Дуден». Возможно, излишне представлять читателю эту имеющую длительную традицию серию, которая служит надежным справочным пособием, содержащим описание норм современного немецкого языка. Хочется, однако, отметить, что это постоянно обновляющаяся серия, в которой принимают участие ученые разных стран. В 1998 году вышло 6-е, заново переработанное издание, созданное Петером Эйзенбергом, Гельманом Гельхаузом, Гансом Вельт-

маном, Гельмутом Хенне и Хорстом Зиттой. Раздел «Предложение» написан профессором из Швейцарии доктором Хорстом Зиттой и представляет собой «взвешенное» развитие традиции, дозировано воспринимающей ряд новых продуктивных идей. Основопологающим для концепции *предложения* является здесь, пожалуй, то, что оно понимается, прежде всего, как *структурная единица*, которая может *моделироваться*. Для обоснования категорий предложения используются трансформации, предложенные ранее Гансом Глинцем: звуковая проба, перестановки внутри предложения, замены, преобразования, вычеркивания, расширения [Glinz: 85 ff.; Duden: 620 ff.]. Моделирование предложения производится с позиций вербоцентрической теории, в которой ведущее место отводится формально ориентированной валентности глагола [Duden: 676]. Предложения моделируются в терминах «структурных схем» (Satzbaupläne), список которых сведен в таблицу и насчитывает 36 единиц [Duden: 708]. Для внутреннего структурирования моделей используются, в основном, термины, обозначающие члены предложения; детализация структурных схем проистекает из учета падежных различий в дополнениях, различий в способах выражения субъекта (включая формальный субъект *es* в безличных предложениях), и различий, связанных с типологией предиката (его видами и валентностью глагола, которым он выражен). Из грамматики зависимостей заимствуются как сама идея вербоцентричности, так и соответствующая терминология, например, такие термины, как *Raum-, Zeit-, Art- und Begründungsergänzung* [Duden: 679], обозначающие *необходимые «дополнения»* к глаголу-сказуемому. Их использование позволяет различать облигаторные и факультативные члены предложения: то, что обозначается термином *Ergänzung*, рассматривается как структурообразующий элемент; «свободные обстоятельства» (*freie Angaben*) в структурных схемах не учитываются [Duden: 678].

Сравнивая это направление в исследовании предложения с анализом русских предложений отечественными авторами, нетрудно заметить известную аналогию. «Структурные схемы» известны в русистике со времени работ Н.Ю. Шведовой и получают современную интерпретацию в других работах [ср., например, Скобликова: 94-186; Всеволодова]. То, что принцип исследования применим к разным языкам, свидетельствует лишь о его объективности.

Другое направление детализации традиционных положений затрагивает *порядок слов* в предложении. Его частичная фиксированность в немецком языке, а именно фиксированная постановка спрягаемого глагола в разных типах предложений, позволила Эриху Драху разделить предложение как структурную единицу на так называемые «поля»: «*поле*», «*середину*» и «*заполе*» (*Vorfeld, Mitte, Nachfeld*). В современных грамматиках такие поля называются *топологическими позициями* (*Stellungsfelder*) [ср., например, Duden;

Eisenberg; Wöllstein-Leisten/Heilmann/Stepan/Vikner; Dürscheid и др.]. Позиции вычленяют участки предложения, в пределах которых могут перемещаться его члены. На первый взгляд, такие позиции могут показаться сугубо специфическими для немецкого языка. Но при более пристальном рассмотрении оказывается, что это не так. Топологические позиции релевантны прежде всего для языков аналитического строя, фиксирующих препозицию субъекта относительно прямого объекта. Некоторые жесткие топологические позиции характерны и для русского языка, например, позиции некоторых союзов или позиция относительного местоимения который, вводящего придаточное определительное. Выделение таких позиций в русском языке чрезвычайно актуально для преподавания русского языка как иностранного. Образцом могут послужить топологические схемы предложений разных типов, которые широко используются в зарубежных изданиях учебников немецкого языка как иностранного для закрепления правил постановки членов предложения и отдельных слов [ср. например “Themen”, “Themen neu” и др.] В топологических схемах выделяются составляющие глагольной рамки и факультативные заполнители отдельных полей, например, сочинительные союзы [Duden: 818; Sommerfeldt/Starke: 246 f.].

Вернемся к топологии немецкого предложения. Для обозначения его типов, различающихся местом спрягаемого глагола, используются специальные метафорические термины, не имеющие соответствий в русской грамматике. Предложения, маркированные постановкой спрягаемого глагола на второе место, называются *Kernsätze*, то есть *ядерные предложения*, поскольку эта модель принимается за исходную; именно она приводится в структурных схемах. Два других типа предложений рассматриваются как ее варианты. Предложения с финитным глаголом на первом месте называются *Stirnsätze*, что дословно означает «лобовые» предложения (ср. лобовое, т.е. переднее стекло в автомобиле). Предложения с финитным глаголом в конечной позиции обозначаются как *Spannungssätze*, поскольку в них создается психологическое напряжение, разрешаемое глаголом [Duden: 814 ff.; Sommerfeldt/Starke: 246]. В других грамматиках используются нейтральные термины *Verbzweit-(V-Zweit)*, *Verberst-(V-Erst)*, *Verbletzt-(V-Letzt)sätze* [Heringer: 246 ff.; Dürscheid: 90 ff.].

Ценность метафорических терминов можно видеть в том, что они обозначают качественные различия между структурными схемами инвариантного и вариантного характера, что в нейтральной терминологии не выражается. Термин «ядерное предложение» применяется и в других грамматических течениях именно в таком смысле: предложение, служащее основой для трансформаций.

## II

Близка к традиционному направлению **грамматика зависимостей**, центром разработки которой является Институт немецкого языка в Мангейме. Среди авторов, причисляющих себя к данному направлению, такие видные ученые, как Ульрих Энгель, Ганс-Юрген Херингер, Ганс-Вернер Эромс. Каждый из них по-своему излагает вербоцентрическую концепцию предложения. Наибольшей цельностью отличается, пожалуй, концепция, которую мы находим в трудах У. Энгеля. Ее выделяет системность терминологии, происходящая из общей стройности и завершенности теории. Однако предложенная У. Энгелем система понятий и соответствующих обозначений не получила пока широкого признания. Другие авторы более терпимо подходят к системе понятий. Г.-В. Эромс даже считает, что современная лингвистика должна иметь модульный характер, полагаясь на результаты предшествующих описаний и по возможности развивая их [ср.: Eroms: 5]. Он сам характеризует свой синтаксис как расширенный вариант грамматики зависимостей. Это особенно ярко проявляется в главе, посвященной порядку слов, закономерности которого объясняются преобразованием иерархических структур в линейные [там же: 309 и сл.].

Несомненной заслугой ученых, работающих в рамках грамматики зависимостей, является четкое разграничение *предложения* как структурного образца или схемы и *высказывания* как реализации этой структуры [Heringer: 16]. Последовательно проводит это разграничение и У. Энгель. В своей грамматике он рассматривает предложения как автономные языковые конструкторы, содержащие финитный глагол и способные использоваться в речевом акте [Engel: 180]. Высказывания трактуются как часть текста, которая оценивается не критерием правильности, а критерием понятности [Engel: 179]. Энгель противопоставляет предложенческие структуры, различающиеся коммуникативными целеустановками, высказываниям, с помощью которых производятся соответствующие речевые действия. Первые определяются формально по заполнению позиций до финитного глагола и обозначаются терминами, в составе которых присутствует компонент *–satz*: *Konstativsatz*, *Interrogativsatz*, *Imperativsatz* [с. 181 и сл.]. Вторые обозначаются терминами функционального ряда. Так речевые действия, направленные на партнера, могут быть переданы всеми перечисленными типами предложений, а также высказываниями, не имеющими форму предложения. Предложенческие структуры, как правило, соотносятся с определенными функциями: с помощью констатирующих предложений выражаются *сообщения* разного рода (*Mitteilungen*); интеррогативные и императивные предложения выражают многочисленные оттенки речевых актов, управляющих поведением партнера. К основным разновидностям таких речевых актов относятся *вопрос* (*Frage*) и *требование* (*Auf-*

*forderung*) [с. 47 и сл.]. Строгое разграничение предложения как грамматического конструкта и его социально-коммуникативной функции в речевом акте позволяет упорядочить произвольность терминологии, которая имела место ранее. Например, фактически как синонимы употреблялись термины *Imperativ*- и *Aufforderungssatz*, хотя первый из них относится к формальному, а второй – к функциональному ряду. В русской грамматике до сих пор господствует классификация предложений по цели высказывания, хотя отдельные авторы признают, что рассмотрение коммуникативных типов предложения и средств их грамматического оформления должно составлять «отдельный аспект грамматического описания» [Скобликова: 320].

Оценивая теорию предложения/высказывания в грамматике зависимостей, в очередной раз отметим ее технологичность, которая состоит в том, что в ней, с одной стороны, эксплицируются синтаксические связи, ощущавшиеся раньше интуитивно, а с другой стороны, системно противопоставляются категории, структурирующие язык, и категории, образующие функциональную речевую сеть. Последовательное проведение принципа разграничения предложения и высказывание созвучно некоторым отечественным работам, в которых разводится грамматическое и функционально-прагматическое описание синтаксических единиц [ср., например, Žerebkov: 55 ff.; Kostrowa]. Думается, что дальнейшие исследования в этом направлении, несомненно, окажутся результативными.

### III

Близок грамматике зависимостей **синтаксис непосредственно составляющих**, основным методом которого является анализ предложения по составляющим его единицам – так называемым *фразам* [Hentschel/Weydt: 411 ff.; Clément 1996: 66 ff.]. Различие между обоими подходами Б.А. Абрамов видит в двух моментах. Во-первых, они проявляются в трактовке структуры предложения: если в грамматике зависимостей она понимается как вербоцентрическая, то в синтаксисе непосредственно составляющих подлежащее и сказуемое рассматриваются как взаимозависимые члены предложения, образующие его основу. Во-вторых, по-разному интерпретируются отношения между элементами предложения: они определяются соответственно либо как отношения зависимости, либо как отношения части и целого [Абрамов: 116].

Продуктивность анализа по непосредственно составляющим видится в том, что предложение как структурная единица разбивается на конstituенты не по функциональному принципу (согласно которому выделяются члены предложения), а по формальному, следуя которому выделяются *фразы*. Пока прямого соотнесения членов предложения и фраз не произведено, хотя это направление исследования представляется перспективным. Тем не менее, формально-структурный принцип, лежащий в основе выделения фраз, вос-

принят многими лингвистами, работающими в области синтаксиса. Об этом свидетельствует, в частности, употребление терминов «именная фраза», «глагольная фраза», получившее широкое распространение в германистике.

Особо хочется отметить, что в рамках этого направления плодотворно разрабатывается синтаксис сложного предложения. В частности, вводится понятие “Skopus” («сфера действия»), которое считается основополагающим для синтаксиса. Его роль определяется тем, что оно позволяет исследовать иерархическое структурирование предложений, то есть устанавливать иерархическую зависимость или соположенность непосредственно составляющих. Особенно наглядно это проявляется при анализе сложных предложений, содержащих модальные слова и выражения: именно понятие сферы действия позволяет установить, относится ли модальное выражение к главному или придаточному предложению [Clément 1999: 59-60].

#### IV

Возникшая как своего рода противовес синтаксису непосредственно составляющих **генеративная трансформационная грамматика** [ср. об этом Hentschel/Weydt: 415 ff.], имеет с ним тем не менее много точек соприкосновения. В ней тоже используется формальный принцип вычленения фраз, структурирующих предложение. Как справедливо замечает Петер Зуксланд, заслуга Ноама Хомского состоит в том, что он сумел дать теоретическое обоснование идеям, которые давно известны лингвистике, а именно, идее о линейной и одновременно иерархической организации языковых конструкторов, а также о сводимости сложных конструкций к простым. Предложенный Н. Хомским инструмент анализа во многом определил дальнейшую разработку этих идей [Suchsland: 212].

Генеративная грамматика первоначально разрабатывалась исключительно на материале английского языка. В 80-е годы она стала применяться к эмпирическому анализу других языков. Как отмечает Дж. Бейлин, результаты получены почти по всем языкам и языковым семьям мира [Бейлин: 33]. На материале немецкого языка идеи генеративной грамматики развиваются в школе, созданной Гюнтером Гревендорфом. Ее расширенный вариант изложен в его книге «Аспекты немецкого синтаксиса: анализ управления и связывания» [Grewendorf]. Особенностью этого варианта стандартной теории является ее модульный характер. Она включает 6 модулей, в рамках которых с разных сторон описываются принципы порождения предложения. В итоге получается многофакторный анализ, включающий собственно структурные, семантические, референциальные, морфосинтаксические и лексические аспекты. Г. Гревендорф пытается, с одной стороны, найти корректные дескриптивные обобщения для феноменов немецкого синтаксиса, значительно отличающихся от соответствующих английских феноменов, а с другой стороны, опреде-

лечь их место в универсальной грамматической теории [Grewendorf: 1]. В этой связи общая теория управления и связывания получает несколько иные акценты.

Пожалуй, главным отличием теории генеративной грамматики на материале немецкого языка является ее объединение с топологией предложения. Именно топологическая модель претендует, по мнению Гревендорфа, на роль специфического параметра, ограничивающего универсальный принцип движения [Grewendorf: 25]. Этот параметр объясняет, на наш взгляд, смещение акцента в названии первого модуля: если в оригинале он называется X-Bar Theory, то в работе Гревендорфа он получает название Grenzknotentheorie, что я перевела бы как «теория узлов, имеющих границы». В этом модуле рассматривается формирование фразовых узлов, в пределах которых возможно перемещение зависимых элементов [с. 121]. Семантико-синтаксический аспект охватывает теорию глагольного управления, определяющую состав и количество зависимых компонентов в глагольной фразе [с. 121 и сл.]. В отличие от английского языка здесь необходимо особо оговорить синтаксическую форму субъекта и объекта. Референциальный модуль затрагивает теорию анафорической связи и местоименных замен иерархически одноярусных единиц [с. 127 и сл.]. Теория семантических ролей приписывает смысловые семантические роли аргументным позициям предложения, которые занимают именные конститuenty [с. 142 и сл.]. Поскольку семантические роли определяются лексиконом, то для их описания в немецком языке требуются специфические параметры. В частности отмечается отсутствие параметров описания для предложений, в которых нет субъекта.

В следующем модуле применяется морфосинтаксический подход, который позволяет определить механизмы функционирования абстрактных падежей [с. 147 и сл.]. Развитая система падежей в немецком языке приводит автора к мысли о качественных различиях в их функционировании, которые могут дополнить теорию Хомского на материале синтетических языков. Падежи, функционирование которых определяется только структурными факторами, Гревендорф называет *структурными*. Падежи, функционирование которых с формальных позиций возможно, но детерминируется оно лексически, он назвал *лексическими*. Падежи, функционирование которых связано исключительно с семантическими ролями, получают название *адвербиальных* [с. 151].

Взаимодействие морфосинтаксиса с лексиконом позволяет обосновать теорию контроля, специфическую для каждого языка [с. 161 и сл.]. В немецком языке различаются, например, инфинитивные группы, состав которых определяется только закономерностями теории связывания; инфинитивные группы, подчиняющиеся теории связывания и контроля (после глаголов типа *überreden*: \*Peter hat überredet, die Tür zu schließen) и инфинитив-

ные группы, подчиняющиеся только теории контроля (после глаголов типа *versuchen*) [Grewendorf: 167].

Таким образом, на немецком материале теория выявляет универсальные механизмы формирования глубинных структур и механизмы их превращения в идиоэтнические поверхностные единицы, вплоть до фонетической формы предложения и запретов на определенные структуры. Однако следует согласиться с П. Зуксландом в том, что она представляет собой модель *языкового знания*, но не языкового поведения [Suchsland: 213]. Это означает, что она прорабатывает, в основном, связь семантического и синтаксического ярусов языковой системы на уровне идеальных говорящего/слушающего. Генеративная грамматика, как верно отмечает В.М. Алпатов, исследует активную роль говорящего, его компетенцию в образовании языковых структур, которую он использует в реальном употреблении [ср. Алпатов: 312-313]. Идеальный говорящий/слушающий находится вне конкретных речевых условий, то есть останавливается перед прагматикой. Вовлечение в анализ прагматического компонента, например, учет актуального членения высказывания, позволяет синтезировать закономерности генерирования не только языковых, но и речевых структур, поскольку в основе порождения тех и других лежит инвариантно-вариантный принцип. Синтезу генеративного и актуально-синтаксического подходов посвящена диссертация М.А. Гончаровой, в которой объясняется механизм создания экспрессивности речевой единицы (высказывания) с помощью порядка слов [Гончарова].

## V

Значительный шаг в направлении прагматики представляет трехтомная **категориальная** «Грамматика немецкого языка» (принятое сокращенное обозначение GDS), созданная коллективом авторов в Институте немецкого языка в Маннгейме. Применяемый в ней подход, ориентированный одновременно на форму, функциональную семантику и прагматику [GDS: 2], может дать новый импульс для дальнейших исследований, особенно в области прагматического или дискурсивного синтаксиса, объясняющего *выбор* синтаксических единиц *условиями их порождения*. В этом смысле особую актуальность приобретает понимание грамматики как *систематизации форм и средств языкового действия* [GDS: 3].

Чтобы читатель мог представить себе фундаментальность издания, назовем некоторые цифры: общее количество страниц составляет 2569; библиография занимает 51, а список источников – 11 страниц. Не имея возможности проанализировать весь труд целиком, остановимся на тех аспектах, которые представляются нам наиболее значимыми, а именно на категоризации сложноподчиненного предложения (далее СПП). Его описание распределяется на два тома. Одна из глав третьего тома посвящена категории «придаточное



предложение» (далее ПП). Отдельно (раздел Е 3.4 второго тома) описываются СПП, в которых придаточные выполняют функции компонента. И то, и другое написано руководителем авторского коллектива Гизелой Цифонун.

Остановимся сначала на принципах описания ПП как синтаксической категории, а затем посмотрим на примере СПП с придаточными субъектными и объектными, как эти принципы осуществляются и какие перспективы открываются при этом для последующего анализа.

Одним из основных понятий синтактико-прагматического плана является в «Грамматике» «минимальная коммуникативная единица» (далее МКЕ) (*kommunikative Minimaleinheit* – КМ), соотносимое с утвердившимся в лингвистике понятием высказывания как функции синтаксической структуры (предложения). МКЕ, на наш взгляд, уже понятия «высказывание», поскольку оно не включает интерактивные единицы, в функции которых выступают, например, междометия, обозначающие, как правило, реакции межличностного плана. ПП рассматривается как несамостоятельная часть МКЕ, имеющая форму предложения. Подчиненность его коммуникативного статуса рассматривается со структурно-реляционных позиций в соотношении с такими понятиями как «ведущее» и «главное предложение» (раздел 1), что само по себе свидетельствует о роли формы, определяющей функцию языковой единицы. Затем даются классификации ПП по вводящим средствам (раздел 2) и основным семантическим функциям (раздел 3).

Последовательный структурно-реляционный подход приводит автора к определению подчиненности как основного свойства ПП, которое не позволяет ему при выделении из контекста главного предложения (далее ГП) без изменения коммуникативной функции выступать в качестве самостоятельной коммуникативной единицы [GDS: 2237]. Не столь очевидно определение с этих позиций ГП как части комплексной МКЕ, которая сохраняет самостоятельный коммуникативный статус и без придаточного предложения [GDS: 2238]. На наш взгляд, коммуникативный статус ГП остается ведущим в цельном СПП, поскольку в некоторых случаях ГП без придаточного оказывается семантически выхолощенным, ср., например, *Er sagte, was zu sagen war*. Представляется, что коммуникативным статусом обладает в таких случаях все комплексное высказывание при сохранении ведущей роли ГП как в структурном, так и в коммуникативном плане. Иначе говоря, структурная иерархия обуславливает в данном случае иерархию прагматическую. На материале СПП с придаточными объектными это показано в работе Е.С. Гундаревой [Гундарева].

Рассматривая языковые средства введения ПП, Г. Цифонун классифицирует подчиненные единицы на союзные, относительные и бессоюзные, что совпадает с традиционной трактовкой. Новым является определение *роли вводящего элемента* (включая его отсутст-

вие) в грамматическом структурировании языкового выражения, своеобразная «технологизация» описания. С этой точки зрения союз трактуется как *оператор*, придающий выражению грамматико-категориальный статус придаточного [GDS: 2240]. В роли операторов выступают и относительные средства введения, выполняющие грамматическую функцию союзных слов. Они изменяют категориальный статус вводимой ими единицы, переводя ее из разряда самостоятельного вопросительного в разряд подчиненного предложения [GDS: 2248]. Изменение грамматической категории предложенческой структуры (в терминологии В.Г. Адмони – элементарного предложения) имеет место и при бессоюзном введении ПП. Относительные и бессоюзные варианты рассматриваются как функциональные синонимы союзных ПП, расширяющие комбинаторные возможности внутри этой подчиненной категории. Таким образом, внимание к категориальному аспекту позволяет уточнить статусный характер придаточного предложения и его отдельных конструктивных элементов.

Функционально-семантическая классификация ПП проводится в составе СПП и соотносима с функциями *комплемент* и *супплемент* в генеративной грамматике. Выделяются три основные функционально-семантические категории ПП: *терма*, *обстоятельства* и *модификатора имени* [GDS: 2241]. Две последние, в основном, совпадают с традиционно выделяемыми обстоятельственными и определительными функциями придаточных. Категория *терма* требует пояснений.

Под *термами* понимаются именные фразы<sup>1</sup>, которые выступают в функции глагольных аргументов и образуют вместе с глаголами предложения [GDS: 968 и сл.]. «Терм» создает, таким образом, семантический коррелят синтаксическому понятию «именная фраза в функции аргумента». ПП в функции *терма* обладает семантикой, аналогичной семантике аргументативной (не обстоятельственной!) именной фразы. Иными словами, категория *терма* охватывает субъектно-объектную семантику, свойственную имени, которое обладает обобщенным грамматическим значением предметности.

Критически оценивая предложенную систематизацию ПП, нельзя не отметить ее новизну, которая состоит, в соответствии с принципами категориальной грамматики, в приписывании языковым выражениям статуса синтаксических категорий [GDS: 961]. Так выражению «придаточное предложение» приписывается статус, например, статус *терма*. Выделенные категории обладают соответствующими функциями, которые проявляются в комплексных выражениях, например, в СПП. В комплексных выражениях синтаксические категории разукрупняются, приобретая конкретные функции. Например, категория *терма* распадается на функции субъекта, объекта и предикатива, которые, в свою очередь, рассматриваются как функциональные категории.

Эти *функциональные категории* (субъект, объект, предикатив) трактуются как комбинаторный *набор вариантов*, образуемых различными средствами их выражения, например, различающихся по средствам введения придаточных. Варианты подразделяются на центральные и периферийные [GDS: 1449]. Комбинаторные свойства вариантов проявляются в том, что они определяют соотношение ПП со способом выражения предиката в ГП. Таким образом, систематизируются языковые средства, определяющие условия истинности предикатов ГП. Особый интерес представляют в этом смысле относительные придаточные, «*предметно мотивирующие*» истинность предиката ГП. Мотивирующим является при этом предмет (или его свойство), попадающий в коммуникативный фокус ПП, то есть несущий на себе логическое ударение, ср.: *Wer luxuriös wohnt, muss mehr Steuern zahlen* (с. 1460).

Трудно переоценить содержащиеся в «Грамматике» *семантические классификации глагольных предикатов* ГП. Исследование их комбинаторных возможностей, например, с субъектами ГП, может послужить исходным пунктом для дальнейших спецификаций ПП. В частности, объектная функция может быть специфицирована как функция релятивации главным предложением содержания ПП, что придает последнему оттенок косвенности [ср.: Гундарева]. Гарантом такой релятивации выступает субъект ГП, который выражается либо антропонимом, через призму восприятия которого передается содержание придаточного, либо отглагольным существительным, сужающим сферу действия придаточного предложения.

Думается, что описание СПП в первой категориальной грамматике немецкого языка представляет собой, с одной стороны, новую ступень обобщения материала, с другой стороны, – новую ступень его детализации. И то, и другое соответствует последним достижениям лингвистики. И то, и другое уже получает критическое осмысление. Предлагаемый в «Грамматике» теоретический фундамент дает «второе дыхание» исследованиям немецкого языкового стандарта.

## VI

Наконец, еще одно направление в исследовании предложения имеет ярко выраженную прагматическую окраску. Это проявляется, на наш взгляд, двояким образом. Во-первых, **прагматизация** зарождается в недрах грамматики зависимостей и развивается в категориальной грамматике. Прагматическая ориентация находит выражение в углублении теории функциональной значимости синтаксических структур, включающей теперь все более активно *иллокутивные параметры*, в частности, тема-рематическое членение высказывания, которое осуществляется говорящим / пишущим с определенных позиций, имеющих в виду (осознанно или неосознанно) конечный результат – воздействие на реци-

пиента. Этот аспект заметно усилен в работах У. Энгеля и коллектива авторов GDS. Во-вторых, прагматичность подхода проявляется в выделении *прототипических признаков* и черт синтаксических единиц, облегчающих их дидактизацию. Так в грамматике Кристи Дюршайд суммируются прототипические признаки членов предложения, позволяющие в ряде случаев провести границы между ними [Dürscheid: 35 ff.]. Здесь снова имеет место технологичность в виде каталогизации признаков, которые до сих пор ощущались интуитивно.

Можно выделить и третий аспект прагматизации, который, как представляется, закладывает основы *стилистики языковых предпочтений*. Стилистику языковых предпочтений можно определить как нормативную стилистику, объясняющую и предписывающую правила языковых употреблений в том или ином коммуникативном регистре. Ее отличие от функциональной стилистики состоит в следующем. В функциональной стилистике центр тяжести лежит на *особенностях* языкового употребления, *вызванных спецификой жанра* (ср.: Язык научно-технической литературы; Особенности языка публицистики и прессы; Грамматика разговорной речи). Прагматистика языковых предпочтений описывает *языковые явления, регулярно употребляемые* в определенном коммуникативном регистре и тем самым *создающие специфику жанра*. Количество функциональных стилей колеблется в зависимости от позиции исследователя, во всяком случае, оно превышает 5. Коммуникативных регистров только два: тематический, или дисситуативный, и регистр непосредственного общения, или ситуативный. Возможно перекрестное моделирование обоих регистров: непосредственного общения в тематическом регистре и тематического изложения в ситуативном. Таким образом, с одной стороны, прагматистика языковых предпочтений – более общее понятие, чем функциональная стилистика, а с другой стороны, – это понятие более гибкое, так как позволяет учитывать так называемые исключения, охватываемые перекрестным моделированием регистров.

Стилистика языковых предпочтений только начинает создаваться [ср., например, Jürgens]. Ее сильной стороной является то, что в ней могут быть учтены особенности функционирования всех основных единиц языка (слова, словосочетания, предложения и сверхфразового единства), обусловленные прагматической сверхзадачей. Когнитивным ядром стилистики языковых предпочтений является модально-прагматическая суперструктура, определяемая реальными или моделируемыми лингвистическими условиями общения (опосредованными или непосредственными). В рамках этой суперструктуры формируется интенция автора, определяющая выбор, предпочтение тех или иных языковых структур.

При определении того или иного языкового средства как прагматически предпочитаемого, то есть функционально ограниченного, следует постоянно иметь в виду, что речь идет только о тенденции к закреплению за тем или иным средством определенной функции в рамках определенного коммуникативного регистра. Вследствие проницаемости текстов, возникающих в разных коммуникативных регистрах, одни и те же языковые средства могут употребляться в разных коммуникативных регистрах и выполнять там различные экспрессивно-стилистические задачи. Тем не менее, инвентаризация языковых средств, предпочитаемых в одном из двух основных коммуникативных регистров, представляется необходимой и полезной.

Теоретическая значимость такой инвентаризации состоит в подтверждении подвижности языковой системы, ее вариативности, функционального перемещения ее элементов относительно друг друга. Практическая значимость состоит в возможности сознательного оперирования языковыми единицами, обладающими выраженной тенденцией к той или иной функции.

В качестве примера перечислим прагматические возможности предпочтения вариантов словосочетаний в речевых продуктах (текстах), возникающих в полярных коммуникативных регистрах. Упрощая ситуацию, считаем ведущим речевым продуктом тематического коммуникативного регистра объективированный текст, а ситуативного регистра – персонально-окрашенный текст.

В объективированном авторском тексте реализуется интенция на стертую экспрессию, которая становится стилеобразующим признаком данного типа текста. Для создания сюжетной канвы используются словосочетания, описывающие временную и пространственную локализацию действия, его развитие, а также дающие неэмоциональную характеристику действующих лиц. Это предопределяет выбор определенных моделей словосочетаний. В этом (тематическом) коммуникативном регистре предпочитаются следующие модели словосочетаний, способствующие реализации модально-прагматической установки на объективацию: предложные группы существительного с временным и пространственным значением; сочинительные ряды слов (глаголов при перечислении действий, существительных при перечислении действующих лиц или предметов, прилагательных при перечислении признаков); атрибутивные группы существительного, содержащие неоценочные определения, в том числе препозитивные приложения и распространенные причастные обороты; инфинитивные обороты со значением цели; приложения.

В персонально-окрашенном тексте, в частности, в несобственно-прямой или внутренней речи, словосочетание приобретает риторическую окраску. Возрастает роль его образности, что ведет к появлению словосочетаний, содержащих метафоры, сравнения, сине-

стезии. Особую значимость приобретают синтаксические построения в виде усложненных перечислительных рядов. Нередко словосочетание обособляется и, заменяя развернутую номинацию с помощью предложения, становится средством компрессии информации. Вместе с тем в этом типе текста выражена тенденция к употреблению оценочных словосочетаний и словосочетаний с неопределенным смыслом, который может быть так или иначе имплицирован [Кострова 2002].

Краткий обзор, который по понятным причинам не мог охватить всех источников и всех аспектов анализа предложения, позволяет, тем не менее, сделать некоторые выводы. Из предшествующего изложения ясно, что перечисленные направления синтаксических исследований довольно часто пересекаются. Собственно, и выделяются они, главным образом, на основе провозглашаемых авторами принципов, хотя сами исследования принципы эти нередко перерастают. Наглядное подтверждение тому – генеративная грамматика, постулировавшая первоначально чистую формализацию структур и представляющая сегодня инструмент семантического анализа языка. Применение генеративного метода к анализу тема-рематической структуры высказывания выявляет инвариант такой структуры и его экспрессивные варианты [Гончарова]. Использование метода прототипизации синтаксических структур позволяет, например, выявить различия их функционирования в родном и иностранном языке, наглядно представив ограничения в выборе моделей предложения и его усложнения при использовании в неродном языке [Бурдаева]. Категоризация грамматических элементов и структур открывает объяснительные перспективы, в частности, при интерпретации «бывших вопросов», выступающих средствами не прямой, описательной номинации [Онипенко: 131]. Разведение понятий предложения и высказывания выявляет лакуны в системном описании языковых единиц и их функционировании и, тем самым, определяет направление исследований в этой области. В частности, результатом следования этому принципу явилось выявление лакун в понятийном аппарате, описывающем сложное предложение в немецком языке. Было обнаружено отсутствие понятия модального уровня, соответствующего понятию суперпредиката. В связи с этим введено понятие *модально-прагматической суперструктуры* [Кострова 1992], которое позволяет дополнить парадигму сложноподчиненного предложения [Кострова 2001]. Это понятие в известном смысле перекликается с текстологическим описанием английской научной речи, выполненным в 1978 году лингвистами МГУ, а также с понятиями «образ автора», «модусный план текста», разрабатываемыми в современной лингвистике на материале художественной литературы [Сидорова]. Таким образом, развитие лингвистической мысли идет по спирали.

## Библиография

- Абрамов Б.А.* Теоретическая грамматика немецкого языка. - Москва: Владос, 2001. 168 с.
- Алпатов В.М.* История лингвистических учений. – Москва: «Языки русской культуры», 1998. – С. 309-324.
- Бейлин Дж.* Краткая история генеративной грамматики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: Сборник обзоров. – Москва: МГУ, 1997. – С. 13-57.
- Бурдаева Т.В.* Вариантность сложноподчиненного предложения и эквивалентных ему структур (на материале немецкого языка как родного и иностранного): Автореф.дис. ...канд.филол.наук. – Самара, 2002.
- Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. – Москва: МГУ, 2000.
- Гончарова М.А.* Порядок слов как средство создания экспрессивности в современном немецком языке (синтез генеративного и функционального подходов): Автореф.дис. ...канд.филол.наук. – Самара, 1999.
- Гундарева Е.С.* Сложноподчиненное предложение с придаточным объектным в единстве синтаксиса и прагматики: Автореф.дис. ...канд.филол.наук. Самара, 2002.
- Кострова О.А.* Продолженная синтаксическая форма как промежуточное звено между простым предложением и сверхфразовым единством (на материале современного немецкого языка): Автореф.дис. ...докт.филол.наук. – Москва: АН СССР.
- Кострова О.А.* Системные и прагматические аспекты теории сложного предложения в германистике // Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина. Сб.ст.по мат-лам межд.науч.конф., посв. 85-летию профессора Б.Н. Головина. – Нижний Новгород: изд-во Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2001.
- Кострова О.А.* Прагмастилистика языковых предпочтений // Язык. Человек. Культура: Тез.докл.научно-практ.конф. – Смоленск, 2002.
- Онипенко Н.К.* Сложноподчиненное предложение на фоне субъектной перспективы текста // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. – Москва: Русский учебный центр, 2000. – С. 126-133.
- Скобликова Е.С.* Современный русский язык: Синтаксис простого предложения (Теоретический курс).– Самара: Самарский университет, 1997. – 325 с.

*Сидорова М.Ю.* Грамматика художественного текста. – Москва, 2002. – 416 с.

*Текстология английской научной речи* / Под ред. М.М. Глушко, Ю.А. Карулина. – Москва: МГУ, 1978. – 194 с.

*Шведова Н.Ю.* Парадигматика простого предложения в современном русском языке: Опыт типологии // Русский язык: Грамматические исследования. – Москва: Наука, 1967. – С. 3-77.

*Clément, Danièle.* Linguistisches Grundwissen: Eine Einführung für zukünftige Deutschlehrer. Opladen: Westdeutscher Verlag 1996, 264 S.

*Clément, Danièle.* Zur Syntax der komplexen Sätze im Deutschen // Прагматика высказывания и текста: Межвуз. (международный) сб. науч. тр. – Самара: пед. ун-т, 1999. – С. 40-61.

*Duden.* Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Hrsg. von der Dudenredaktion. Bearbeitet von P. Eisenberg, H. Gelhaus, H. Henne, H. Sita u. H. Wellmann. 6., neu bearb. Aufl. – Mannheim. Leipzig. Wien. Zürich: Dudenverlag 1998, 912 S.

*Dürscheid, Christa.* Syntax: Grundlagen und Theorien. – Wiesbaden: Westdeutscher Verlag 2000, 242 S.

*Eisenberg, Peter.* Grundriss der deutschen Grammatik. 3., überarbeitete Aufl. – Stuttgart. Weimar: Metzler, 1993, 508 S.

*Engel, Ulrich.* Deutsche Grammatik. 3., korrigierte Aufl. – Heidelberg: J. Groos Verl. 1996, 888 S.

*Engelen, Bernhard.* Einführung in die Syntax der deutschen Sprache. Bd. II: Satzglieder und Satzbaupläne/ – Baltmannsweiler: Pädagogischer Verlag Burgbücherei 1986, 218 S.

*Eroms, Hans-Werner.* Syntax der deutschen Sprache. – Berlin. New York: de Gruyter 2000, 505 S.

*Glinz, Hans.* Die innere Form des Deutschen. – Bern und München: Francke Verl. 3. Aufl. 1962, 505 S.

*Grammatik der deutschen Sprache (GDS)* von Gisela Zifonun, Ludger Hoffmann, Bruno Strecker und Joachim Ballweg, Ursula Brauße, Eva Breindl, Ulrich Engel, Helmut Frosch, Ursula Hoberg, Klaus Vorderwülbecke. – Berlin. New York: Walter de Gruyter 1997, 2569 S.

*Grewendorf, Günther.* Aspekte der deutschen Syntax: Eine Rektions-Bindungsanalyse. Tübingen: Gunter Narr Verlag 1991, 344 S.

*Hentschel, Elke / Weydt, Harald.* Handbuch der deutschen Grammatik. Berlin. New York: de Gruyter 1994, 452 S.

*Hernger, Hans Jürgen.* Deutsche Syntax deponentiell. – Tübingen: Stauffenburg-Verl. 1996, 292 S.



*Jürgens F.* Auf dem Weg zu einer pragmatischen Syntax: eine vergleichende Studie zu Präferenzen in gesprochen und geschrieben realisierten Textsorten. – Tübingen: Niemeyer, 1999

*Kostrowa, Olga.* Satz und Äußerung: einfach und komplex. Lehrwerk zum Spezialkurs. – Samara 1998, 84 S.

*Sommerfeldt, Karl-Ernst / Starke, Günter.* Einführung in die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – Tübingen: Niemeyer 1998

*Suchsland, Peter.* Wege zum Minimalismus in der Grammatiktheorie. Entwicklungen in der generativen Grammatik (I) // Deutsch als Fremdsprache: Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer. – 35. Jg 1998, H. 4, S. 212-219.

*Wöllstein-Leisten, Angelika / Heilmann, Axel / Stepan, Peter / Vikner, Sten.* Deutsche Satzstruktur: Grundlagen der syntaktischen Analyse. Tübingen: Stauffenburg Verlag 1997, 135 S.

*Žerebkov, Vadim Alexandrowitsch.* Deutsche Stilgrammatik. – Moskau: Hochschule 1988, 222 S.